

ГЛАВА 1

Париж, 1750 год

Мадлен

Сегодня маман проводила переоценку своих девушек. В такие дни лучше улизнуть из дому, что Мадлен и сделала. И потому сейчас она шла мимо скотобойни, где на снегу темнела замерзшая кровь, а на крюках висели туши, задрав бледные зады к утреннему небу. Перчаток у нее не было. Прозрачный морозный воздух до боли обжигал ей руки. Кожа на костяшках пальцев потрескалась и саднила. День был явно не для прогулок, но уж лучше брести по холоду, чем остаться дома и слышать то, что творится в его стенах. И потом, ей сегодня все равно требовалось выйти на улицу, дабы выполнить одно неотложное дело.

Мадлен свернула с улицы Паве в лабиринт квартала Монторгейль, где улочки непомерно узки, а дома слишком высоки, отчего солнце туда не проникает, зато зловоние удерживается, поэтому на улицах всегда темно и воняет, как от какого-нибудь убогого *connard*¹. Старинные дома клонились друг к другу, словно плотно посаженные зубы. Просветов между их обветша-

¹ Здесь и далее, где нет сноски, см. словарь исторических терминов и жаргонных выражений. — *Примеч. перев.*

лыми кирпичными стенами не было. Их окна изнутри были законопачены тряпьем. Время от времени из сумрака появлялось чье-то лицо, кажется детское, с написанным на нем желанием поест. Голод царил здесь не одно поколение. Но уж лучше жить здесь, на самом человеческом дне, среди *le bas people*, как их называли, среди обитателей трущоб и босых бездомных, но чующих в подъездах, чем у маман в ее «Академии», где сейчас всюду проходила ежемесячная выбраковка.

Мать всегда считала это вопиющим стыдом. Занятием, не приносящим ей никакого удовольствия. Но дело, которым она зарабатывала, требовало внимательного отношения к изменчивой человеческой плоти. Грудь имела обыкновение наливаться и усыхать, в теле поселялись болезни, кожа вытягивалась и становилась дряблой, а язвы и сыпь появлялись без предупреждения. Хуже того, невзирая на кучу предохранительных мер, кто-то неожиданно беременел и с трудом избавлялся от плода. Время от времени всегда что-то происходило, как однажды произошло с Мадлен, и тогда всего за день ценность девушки для утех падала вдвое. Всегда находилась хотя бы одна обрюхаченная или потерявшая товарный вид шлюха, которую маман, выражаясь ее словами, «отправляла на пастбище». Да только на задворках Парижа никаких пастбищ не было. Здесь текла черная река отбросов и нечистот, неся с собой битые бутылки и рыбы головы. Сейчас, в январе, улицы покрывал снег вперемешку со льдом, в подъездах бездомные жались друг к другу, и кое-где взгляд натывался на окоченевший труп.

Достигнув улицы Пуант-Сен-Эсташ, Мадлен выбралась на тусклое зимнее солнце. В воздухе пахло дымом и золой. Она покинула места, где обитали беднейшие из бедных, и попала туда, где жили те, кто едва сводил концы с концами. Мадлен обогнула шумный рынок Ле-Аль и пошла на юг, к мосту Пон-Нёф. Народу на улице прибавилось. Среди городских оборванцев мелькали портшезы с аристократками, закутанными в меха и поблескивающими драгоценностями. Когда Мадлен переходила улицу Сент-Оноре, мимо пронеслась золоченая карета. В окошке мелькнуло лицо полужающей женщины, наряженной в атлас. Может, аристократка, а может, и *femme entretenue*, едущая в карете своего содержателя. Девушкам, желавшим разбогатеть, Париж предлагал единственный способ — стать содержанками.

Наконец Мадлен вышла к реке, увидев тянущиеся в небо шпили собора Нотр-Дам и единственный железный шпиль собора Сен-Шапель. Если смотреть лишь на очертания зданий, Париж выглядел богатым и прекрасным городом — городом учености и благочестия. Конечно, где-то так оно и было, но только не в местах, знакомых Мадлен. Их Париж стыдливо скрывал. Она шла по берегу грязно-серой Сены, пока не добралась до заведения *apothicaire*¹, в витрине которого, словно драгоценные камни, поблескивали бутылки. Немного помешкав, Мадлен собралась с духом и толкнула дубовую дверь.

¹ Аптекарь (*фр.*).

Внутри было тепло, пахло пряностями, однако встретили ее холодно. Возле прилавка оживленно разговаривали две женщины. Едва взглянув на Мадлен, они тут же забыли о ней, как забывают о рваной тряпке. Аптекарь взвешивал на больших медных весах какой-то голубой порошок и вообще ее не заметил. Пока она ждала, пальцы ног сводило от боли, что всегда бывает, когда озябшие ноги попадают в тепло. Мадлен разглядывала полки, густо уставленные стеклянными банками и фарфоровыми чашками. Названия некоторых снадобий были ей знакомы: гвоздика, огуречник, окопник, дудник. Иные говорили мало: корень ялапы, хина, аралия. На глаза попалась коробка с надписью «Кампешский янтарь». А это что такое?

— Представляете? Она так и не вернулась. В голове не укладывается! — говорила одна из женщин, обращаясь к другой.

«Язвительная особа, — подумала Мадлен. — Такие в каждом видят только худшее».

— Так что же с ней случилось?

— Этого никто не знает. Но на следующий же день странствующая ярмарка свернулась и уехала. Наводит на мысль, не правда ли? Я бы свою дочь в таком возрасте ни за что бы не отпустила одну.

Аптекарь поднял голову. Его глаза, словно две черные мухи, ненадолго задержались на Мадлен. Он быстро отвел взгляд, завернул покупки, принял от женщин деньги и натянуто улыбнулся тонкими губами. Едва Мадлен подошла к прилавку, улыбка исчезла.

— Улучшения есть?

— Совсем незначительные.

— Ты сделала так, как я советовал?

— Да... Есть еще что-то, чем можно помочь?

— Возможно, только это будет стоить, — окинув ее взглядом, ответил аптекарь.

«Как будто раньше это ничего не стоило», — подумала Мадлен. А если упросить аптекаря, рассказать, в каком они нынче положении? Нет, бесполезно. В Париже тебе никто ничего не даст даром. Особенно такой, как она.

— Дороже, чем в прошлый раз? — спросила она.

— Я бы сказал, что да. Снадобье дорогое. Привезли из Америки.

— Экзотика, — вскинула брови Мадлен. — Понимаю.

Она молча следила за движениями аптекаря. Тот насыпал семян в ступку и растолок в порошок. Воздух стал насыщенным; пахло мускатным орехом, смешанным с чем-то жгучим и горьким. Аптекарь пересыпал порошок в зеленую склянку и поставил на прилавок перед Мадлен:

— С тебя два луидора.

Мадлен смотрела на его белые руки, испещренные венами:

— Согласна.

Она оглянулась на дверь. За это время в аптеку никто не вошел.

Аптекарь подошел к двери и перевернул вывеску. Заведение на время закрылось.

Домой Мадлен возвращалась медленно, плотно укутавшись в плащ. Ей попадались женщины, чьи руки утопали в толстых меховых рукавицах. Они выгуливали собачек на поводках. Куда-то спешили слуги с красными от мороза лицами. Мадлен шла по улице Моннуайе, заглядывая в витрины шляпных магазинов. Выставленные там шляпы с перьями напоминали стаю диковинных птиц. Может, так нашли свой конец и отцовские попугаи, отдав свои перья для шляп *gens de qualité*? Ее отец был *oiseleur*¹ и держал магазин на набережной Мажисери, торгуя птицами и мелкими зверушками. После его смерти маман продала магазин и всю живность другому торговцу. Какаду, зяблики, белые мыши и белки были рассажены по клеткам и исчезли в мгновение ока. Арендная плата за магазин и жилье не вносилась очень давно, поэтому мать с дочерьми быстро покинули дом, в котором выросла Мадлен, и перебрались на улицу Тевено. Там тоже пошла торговля, но уже другими птичками.

Мадлен шла мимо ювелирных магазинов, чьи витрины сверкали сапфирами и рубинами. Впрочем, это могли быть и подделки из клея, куда добавлена краска. Живя в Париже, нужно научиться отличать настоящее от поддельного. Самоцветы, волосы, груди, характеры — все это можно легко подделать. «Мадам, оспа лишила вас бровей? Купите пару отличных накладных бровей из тончайшего мышинного меха. Месье, вы в потасовке потеряли зубы? Вот вам целая челюсть, взятая

¹ Птицелов (*фр.*).

у мертвеца». Из ноздрей Мадлен в морозный воздух вылетали облачка белого пара. Ее руки почти совсем онемели. Но она не торопилась, ибо сомневалась, что мать завершила выбраковку. Женевьева Шастель — маман для девушек — отличалась скрупулезностью.

Кто-то из отправленных «на пастбище» выживет; по крайней мере, какое-то время. Они превратятся в уличных *filles publiques* — самых низших в многочисленной неофициальной иерархии женщин, продающих свое тело в полусвете, начиная от *femmes de terrain* в общественных садах и до увешанных драгоценностями содержанок Версаля. А кто-то из девушек маман найдет свой конец недалеко от улицы Тевено, в грязи Отель-Дьё, давно забытой Богом больницы. Еще кто-то попадет в полицейскую облаву и будет выслан за пределы Парижа. Что толку думать об этом? Подобные мысли лишь напомнят, каким шатким было ее собственное положение и до чего близко она находилась от края. Мадлен не имела ни собственных денег, ни имущества, ни рекомендаций. Если маман ее прогонит, она, как и другие, окажется на улице, став еще одним куском мяса для парижского котла. По этой причине она никогда не водила дружбы с другими девушками. Делала то, что требовалось: расчесывала и заплетала им волосы, подкалывала и подшивала платья и меняла забрызганные спермой простыни. Но попытки помочь им не имели смысла. Нужно думать о том, как выжить самой и спасти Эмиля.

— Ты у нас ледышка, — сказала Коралина, когда Мадлен собиралась выйти из дому.

От старшей сестры сильно пахло потом.

Что ж, лучше быть крепкой, как кусок яшмы, чем уподобиться другим, кого раздавили в пыль.

В одиннадцатом часу утра Мадлен свернула на улицу Тевено, где жила с двенадцати лет, с возраста, именного нежным. Нежным, словно сочная телячья вырезка. Ее и продали не намного дороже куска говядины. Улица была узкой, и солнце сюда не попадало. Тем лучше. В сумраке облупившиеся фасады домов и грязь под ногами не так бросаются в глаза. Ее путь лежал мимо мастерской уксусника. В воздухе висел едкий запах забродившего вина. Мадлен высматривала сгорбленную фигуру девочки, вот уже несколько недель жившей в одном из подъездов. Вот и она. На ней было мужское пальто, подвязанное веревкой. Наверное, отцовское или от брата досталось. Мадлен не спрашивала. Они почти не разговаривали. Вряд ли девчончья история будет сильно отличаться от историй других сирот и отверженных, вынужденных жить на зловонных городских улицах. Болезнь, долги, пьянство, смерть. Мадлен не желала об этом слышать.

— Мадемуазель... — Девочка протянула к ней грязную руку.

Сдержанно кивнув, Мадлен полезла в карман и вытащила последние несколько су. Не ахти сколько, но, может, хватит на миску супа.

— Спасибо. Вы очень добры.

«Правильнее сказать, очень глупа», — подумала Мадлен, идя дальше. Девчонка вряд ли переживет нынешнюю зиму, так зачем продлевать ее страдания?

Мадлен остановилась, ощутив на затылке чье-то ледяное дыхание, но, обернувшись, увидела лишь тощую черную кошку со сверкающими голодными глазами.

* * *

«Академия», как ее называла маман, занимала два средних этажа высокого закопченного здания в конце улицы. Неказистое, похожее на грязный палец, оно манило к себе искателей плотских утех. Вход помещался с задней стороны дома, и хотя бордель не имел вывески, клиенты находили его по характерному запаху. Мужчины, словно коты, метили свою территорию, отчего ступени провоняли мочой. Дыша ртом, Мадлен вошла, тихо закрыла за собой дверь, сняла грязные сапоги и двинулась вверх по лестнице, выстланной коврой дорожкой. Из-за закрытой двери доносились рыдания. Мадлен быстро и бесшумно прошла мимо.

— Где ты была? — На площадку выскочил ее племянник Эмиль, неумытый и непричесанный. — Ушла с самого утра, а я проголодался.

Мадлен со смешанным чувством любви и раздражения посмотрела на чумазое мальчишечье лицо:

— Неужели никто не додумался накормить тебя завтраком? Впрочем, чему удивляться? Конечно не додумались. Зачем кормить восьмилетнего мальчишку? Давай, горе мое, иди умой лицо и руки, а я раздобуду нам еды.

Она прошла на кухню, налила в кастрюльку молока и отрезала хлеба. Тишина в доме была напряженной, с удерживаемым внутри гневом и перешептываниями за плотно закрытыми дверями.

Завтракая, они корчили друг другу рожи. Видя, как Мадлен изображает бабушку, Эмиль фыркнул, выплюнув молоко в миску. Но уже через минуту его лицо стало серьезным.

— Сегодня выгнали двоих: Одиль и Лизетту.

— Значит, их?

Ничего удивительного. У Одиль уже два месяца не было менструаций, а Лизетта давно носила кружевные перчатки, скрывая характерную сыпь от сифилиса. Мадлен взглянула на свои руки с поломанными ногтями и красными костяшками, стараясь не вспоминать лица изгнанных.

Эмиль закашлялся, сотрясаясь всем телом. Мадлен растирала ему спину, думая о склянке с лекарством и вспоминая холодные, настойчивые пальцы аптекаря.

— Маду, она избавится от меня? — спросил мальчик, вытирая рот. — Когда-нибудь она и меня прогонит?

Этот вопрос он часто задавал Мадлен, получая одинаковые ответы.

— Конечно же нет, *mon petit*¹. Ты же ее внук. — Родственные узы мало значили для ее матери, холодной, расчетливой женщины, у которой дело стояло выше всего. — Ты же полезная машинка. Всегда выполняешь поручения и помогаешь.

Основной обязанностью Эмиля было провожать клиентов домой. Среди них хватало прощелыг, называвшихся чужим именем и дававших вымышленные адреса, а потому маман очень интересовало, в какой

¹ Малыш (*фр.*).

дыре они обитают. Если подобный тип не платил или вел себя не лучшим образом, ей требовалось знать, где потом его искать. То, чем занимался Эмиль, было опасно и для взрослого, не говоря уже о восьмилетнем ребенке.

— Маду, а тебя она тоже не прогонит? Она никогда не заставит тебя уйти?

Мадлен напряглась, скрывая это за улыбкой:

— Эмиль, я тебе уже говорила: я так не думаю. Я тоже во многом ей полезна.

Прислуга, учительница, тайная соглядатайка, шлюха. Но от маман гарантий не жди.

В коридоре послышались шаги. Дверь приоткрылась, и в проеме появилось нарумяненное лицо Коралины.

— Маду, маман велит, чтобы ты шла в гостиную. Не заставляй ее ждать.

— Зачем? — спросила Мадлен, у которой сжалось сердце.

— Иди, и там узнаешь. Быстро!

Мадлен поймала пристальный взгляд Эмиля, ощутила его страх и подмигнула племяннику:

— Не волнуйся, *mon petit*. Ты же знаешь ее прихоти. Наверное, хочет, чтобы я растерла ее старые скрюченные ноги. Доедай завтрак.

Но пока она шла по коридору, расправляя подол платья, страх в груди нарастал. Наверное, выбраковка еще не закончилась и следующей кандидатурой будет она.

Войдя в гостиную, обои которой давно выцвели, Мадлен увидела, что мать принарядилась для гостя. Дряблые щеки покрывал густой слой свинцовых белил, и на фоне этой белизны выделялись губы, покрытые ярко-красной помадой. Увидев, кто сидит напротив маман, расположившись на продавленной оттоманке, Мадлен сразу стало не по себе. Это был Камиль Дасье, самый ужасный из всех клиентов Сюжетты, а уж их у нее хватало, всяких и разных. Нельзя сказать, чтобы он отличался еще и уродливой внешностью. У него было грубое, жуликоватое лицо с нервными глазами разного цвета: карим и голубым. Эти глаза тут же повернулись к Мадлен.

— А-а-а, наша составительница отчетов.

Он держал себя властно и напыщенно. Впервые увидев его, Мадлен сразу поняла: перед ней — худший из полицейских.

— Коралина, ступай приготовь нам горячий шоколад, — сказала мать, коснувшись руки старшей дочери. — Приятно будет выпить его всем вместе.

В темно-сером платье маман была похожа на жирную, болезненно бледную устрицу. Через несколько секунд Коралина, шурша подолом, направилась к двери.

— Должна сказать вам, месье, что вы хорошо выглядите, — произнесла маман, поворачиваясь к Камиллю. — Надеюсь, вы в добром здравии?

Мадлен он вовсе не казался здоровым. Его кожа имела сероватый оттенок, свойственный человеку, который недосыпает и злоупотребляет выпивкой. Когда-то такая же кожа была у ее отца.

— Да, мадам. Грех жаловаться. Девушки у вас хорошие и чистые.

У Мадлен пересохло в горле, ладони стали липкими от пота. Зачем ее позвали сюда?

— Ох, месье, все мои доченьки — хорошие девушки. Каждая по-своему. Мадлен всегда была самой умной. Все подмечает. Всегда знает истинное положение вещей. Верно, Маду? Это почти компенсирует ее шрам.

Разумеется, маман так не думала. Мадлен она называла *une fâchée* — той, что гроша ломаного не стоит.

Маман еще несколько минут распространялась о других девушках, которых взяла под свое крыло, дабы всех их спасти от бедности. Мадлен сохраняла бесстрастное выражение лица. Слушая речи маман, можно было подумать, будто та владела убежищем для провинциальных девиц, а не заведением для распутников, охочих до задастой женской плоти. Нечего сказать, «Академия». Единственное, чему научилась здесь Мадлен, — это искусству лицемерия и обмана, а также умению притуплять свои чувства и в совершенстве делать *pire*.

— Мадлен, месье Дасье хочет кое-что тебе предложить, — объявила маман, поворачиваясь к дочери. — Кое-что стоящее.

Она продолжала улыбаться, словно вместе с румянами наложила на лицо и улыбку.

— Эти отчеты, что ты нам пишешь, — заговорил Камиль. — Истории, положенные тобой на бумагу. Они очень... полезны.

Мадлен кивнула, соглашаясь с его словами. Отец как мог обучил всех дочерей чтению и письму, и эти

навыки нашли неожиданное применение. Более года Мадлен посылала отчеты инспектору Мёнье — «покровителю» борделей и «защитнику» нравственных устоев. Этот человек легко закрывал глаза на продажу двенадцатилетних девочек, на венерические болезни, распространяемые содержанками, и на мошенничество *masquerelles*. Зато ему не терпелось узнать о предпочтениях, извращениях и признаниях, срывавшихся с языка клиентов, приходящих на улицу Тевено. Большинство аристократов предпочитали изысканные *sé-гайлы* на улице Дени или содержали любовницу, а то и двух. Однако находились те, кто не брезговал трущобным заведением, и, когда они появлялись в «Академии», Мадлен заносила на бумагу все их «художества». Сюда заходили политики, обожавшие помочиться девушке на лицо, церковники, охочие до «невинных овечек». Напрасно вся эта публика забывала, что находится под неусыпным наблюдением государства. Париж был опутан сетью *mouches*, и в каждом заведении имелись свои шпионы.

— Итак, мадемуазель Шастель, расскажу тебе одну историю, — начал Камиль; он подался вперед и понизил голос, устремив на Мадлен буравящие глаза. — В высоком доме на площади Дофина живет некий швейцарский часовых дел мастер по имени Максимилиан Рейнхарт. Говорят, доктор Рейнхарт — один из лучших часовщиков Парижа. Исключительно одаренный человек и вполне уважаемый. Он создает игрушки для богатых и раздает милостыню бедным. Но кое-кто говорит, что он делает странные штучки и вовсе не таков, каким кажется. — Камиль снова прислонился

Маццола А.

М 36 Заводная девушка : роман / Анна Маццола ; пер. с англ. И. Иванова. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2023. — 480 с. — (The Big Book).

ISBN 978-5-389-23346-1

Париж. Зима 1750 года. В надежде на лучшую жизнь бывшая проститутка Мадлен устраивается горничной в дом знаменитого часовщика Рейнхарта. По заданию полиции девушка должна выяснить, чем в действительности занимается часовщик, ведь по городу ходят упорные слухи, будто Рейнхарт создает свои диковинные механизмы — украшенных драгоценностями птиц, серебряных пауков, кроликов, летучих мышей — с помощью магии, бросая вызов законам природы. Но в доме часовщика Мадлен чувствует себя крайне неудобно: ей кажется, будто она постоянно под прицелом чужих глаз. События принимают еще более зловещий оборот, когда с улиц начинают исчезать дети. Мадлен, исполненная решимости выяснить правду, с ужасом понимает, что, возможно, имеет дело с заговором, который ведет в самое сердце Версаля. Но что лежит в основе этого заговора? Кто такая заводная девушка? И что на самом деле ищет Мадлен?

«Заводная девушка» — это потрясающая история об одержимости, иллюзиях и цене свободы.

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

АННА МАЦЦОЛА
ЗАВОДНАЯ ДЕВУШКА

Ответственный редактор Янина Жухлина
Редактор Элеонора Шорина
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Мария Антипова
Корректоры Светлана Федорова, Ирина Игнатьева
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 07.06.2023. Формат издания $76 \times 100 \frac{1}{32}$.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 21,15.
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

Отпечатано в Акционерном обществе
«Можайский полиграфический комбинат»
143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru, тел.: (49638) 20-685

H-MBB-32298-01-R